

Глава 24. Трагедия

Замолчав, Лу Чжаньлань тихо прислонилась головой к плечу Ли Шэнъаня. Она словно погрузилась в глубокое раздумье, вновь и вновь прокручивая в памяти картины далёкого прошлого.

Шэнъань и представить не мог, какая странная судьба и какое горькое, полное боли детство выпали на долю Чжаньлань и её брата Чжаньбая. Пожалуй, права старая истина: все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая же несчастливая семья несчастлива по-своему. Сам он рано лишился материнского тепла, но его утрата не шла ни в какое сравнение с той незаживающей раной, что кровоточила в душах этих двоих. Шэнъань поймал себя на мысли, что теперь едва ли вспомнит черты лица собственной матери. И всё же, насколько разными бывают люди! Брат и сестра пережили общее горе, но выросли совершенно непохожими друг на друга.

Вспыльчивость и эгоизм Чжаньбая против мягкости и всепрощающей любви Чжаньлань — более разительный контраст трудно было вообразить.

Возможно, Чжаньлань права, и в глубине души Чжаньбай оставался добрым человеком, которому просто отчаянно не хватало любви. Но как же сама Чжаньлань? Ей досталось то же горе, те же лишения, однако она, в отличие от брата, не помнила даже тех крох родительской ласки, что успел застать он. Почему же тогда она выросла столь безупречной? В ней не было и следа той озлобленности, что обычно оставляет искалеченное детство. Напротив, она по-прежнему преданно любила близких и была готова отдать им всё без остатка. Но чего хотела она сама? Что получила взамен? Если Чжаньбай выплёскивал боль через ярость и безрассудные выходки, то на что опиралась она, чтобы выстоять и не сломаться?

В этот миг Шэнъань ощутил искреннее восхищение хрупкой девушкой, склонившейся к его плечу. Среди всех, кого он знал, она обладала самым сильным духом. Наверное, таков суровый закон жизни: в горниле испытаний закаляются те, кто способен без страха смотреть в лицо любым невзгодам, в то время как другие превращаются в трусливых беглецов от реальности. И сам он, и Чжаньбай, увы, принадлежали ко второй категории. Один пасовал перед крутыми поворотами судьбы, страшась сделать шаг вперёд, другой — прятался от собственных чувств, не желая признавать очевидного. Рядом с такой женщиной ни он, ни брат не имели права называться мужчинами. Жизнь слишком коротка, и без сильного, непоколебимого сердца в ней невозможно пройти путь до конца и достичь вершин своих стремлений.

— О чём ты думаешь? — нарушила молчание Чжаньлань. Голос её звучал уже ровно и спокойно.

— Подумал, что я далеко не так храбр, как ты, — с грустной усмешкой отозвался Шэнъань. — И мне чертовски совестно.

— Глупости! — тут же возразила она. — Из всех мужчин, которых я знаю, ты самый мужественный и сильный!

— Ты видишь лишь фасад.

— Тогда позволишь мне заглянуть глубже? — уцепилась она за его слова. — Позволишь увидеть то, что внутри, Шэнъань?

— Чем больше ты увидишь, тем сильнее разочаруешься, — уклонился он от прямого ответа.

— Ну уж нет! — шутливо надулась Чжаньлань. — Я свою душу излила, а уговор есть уговор. Теперь твоя очередь делиться тайнами. Женское чутьё подсказывает мне, что твоя история тронет сердце куда сильнее моей.

Шэнъань опустил взгляд, всматриваясь в её нежное, красивое лицо:

— Правда хочешь знать?

— Очень.

— Но посмотри на небо, — он кивнул на сгущающиеся сумерки. — Уже поздно. Если не поторопимся, придётся спускаться на ощупь. Я уже вызвал твоих телохранителей, они должны ждать на развилке внизу. Наверняка они уже на месте.

— Шэнъань, ты опять пытаешься увильнуть! — Чжаньлань проигнорировала и садящееся солнце, и налетающий холодный ветер. На её лице отразилось капризное упрямство. — Расскажи, обязательно расскажи! Иначе я ужасно расстроюсь.

— Давай в другой раз, а? — мягко улыбнулся он, глядя на её надутые губы. — Моя повесть слишком долгая.

— Тогда начни с самого важного, а подробности оставим на потом, — пошла она на компромисс.

Не в силах устоять перед её напором, Шэнъань вздохнул и сдался:

— Ладно. О чём именно ты хочешь услышать?

— Сколько раз ты любил? — тут же оживилась Чжаньлань и лукаво прищурилась. — Расскажи о них.

— Надо же, — рассмеялся Шэнъань. — Неужели все девушки настолько любопытны? Разве о таком спрашивают?

— Ну же, не тяни время! — она нетерпеливо потеребила его за руку.

— Хорошо, — уступил Шэнъань, — но с одним условием: рассказываю на ходу. Иначе, когда солнце совсем сядет, спуск превратится в настоящее испытание.

— Идёт! — Чжаньлань радостно вскочила на ноги, увлекая его за собой, и от избытка чувств даже подпрыгнула на месте.

Покачав головой, Шэнъань сжал её ладонь в своей, и они не спеша зашагали по тропинке.

— В моей жизни было три женщины, — заговорил он. — И все три истории случились уже здесь, в Шэньчжэне. Моей первой любовью стала девушка на три года старше меня. Мы работали в одной компании. Правда, я тогда был простым рабочим, а она уже руководила отделом. Она была невероятно живой, открытой и уверенной в себе, а я — обычным провинциальным парнем, робким и нелюдимым. Её яркость меня и покорила. Мы начали встречаться, но через год она оставила меня ради богатого гонконгского коммерсанта. Прямо так и заявила: у меня нет денег, со мной не построишь обеспеченного будущего. Вот так бесславно и закончился мой первый роман.

Шэнъань горько усмехнулся, бросив быстрый взгляд на Чжаньлань.

— Какая меркантильная особа! — возмутилась Чжаньлань, но тут же мягко улыбнулась. — Впрочем, это у неё не хватило ума разглядеть твоё сокровище. Вы просто не были созданы друг для друга, так что жалеть не о чем.

— Да, теперь-то я это понимаю, — кивнул Шэнъань. — Но тогда мне казалось, что мир рухнул. По глупости я решил, что любовь — это всё, ради чего стоит жить. Я решился на безумство: нелегально перебрался в Гонконг, ворвался на её свадьбу и укорил в предательстве. Люди её новоиспечённого мужа избили меня так, что живого места не осталось. Меня подобрала одна женщина, связанная с местными триадами. Она приютила меня, выходила и окружила заботой. Целый год я жил у неё, учился вещам, о которых в своей деревне и слухом не слыхивал. Тот год полностью меня перевернул. Когда она призналась, что равнодушна ко мне, я согласился без колебаний. Глупец, я думал, что она станет моей судьбой. Но я снова ошибся: её привлекала лишь моя смазливая внешность. В итоге мы расстались со скандалом, а меня депортировали обратно. И всё же я бесконечно благодарен ей. Она помогла мне повзрослеть, возмужать и научила видеть этот мир без розовых очков.

— Какой же ты был глупый, Шэнъань, — вздохнула Чжаньлань. — Конечно, глупо отрицать, что внешность важна. Но та, кто любит по-настоящему, никогда не станет заманивать тебя обещаниями золотых гор. Она просто незаметно войдёт в твою жизнь и окружит тихой, преданной заботой. К тому же глупо ждать счастья от кого-то другого. Помощь со стороны — это хорошо, но без собственных усилий и упорства ничего не добьёшься. Наверное, в этом и заключается горькая цена взросления.

— Абсолютно верные слова, — согласился Шэнъань. — Жаль, что тогда я был слишком слеп,

чтобы это понять. Откуда в тебе столько мудрости? Рассуждаешь как умудрённый опытом психолог, а сама уверяешь, будто ещё ни разу не влюблялась.

— Ну что ты такое говоришь! — вспыхнула Чжаньлань, её щёки мгновенно залил густой румянец. — Я просто много читаю. В романах всё это очень подробно расписано.

— Вот как? — поддразнил её Шэнъань. — Странно, почему мне никогда не попадались столь глубокие книги?

— Перестань надо мной подшучивать! — притворно рассердилась она, легонько толкнув его плечом. — Лучше договаривай. Ты ведь упомянул три истории. Что случилось в третий раз?

— В третий раз... — Шэнъань начал было отвечать, но, бросив взгляд вперёд, внезапно осёкся. Лицо его побелело, а ноги словно приросли к земле.

— Что случилось, Шэнъань? — тревожно спросила Чжаньлань, заметив перемену в его лице.

Она проследила за его застывшим взглядом, и у неё перехватило дыхание.

Перед ними открылась величественная и пугающая картина.

Тропинка оборвалась у самого края высокого обрыва. Прямо под ногами пенился и ревел яростный морской прибой. До самого горизонта простиралась бескрайняя водная гладь. Огромное багровое солнце медленно тонуло в океане, и его уходящий диск казался бушующим костром, швыряющим последние золотисто-красные искры на зыбкую воду. Волны, одетые в прощальный багрянец, с глухим рокотом разбивались о подножие скалы. Пронизывающий, ледяной ветер приносил с собой запах соли и брызги, заставляя содрогаться от холода. Стихия бесчинствовала, накатывая волну за волной, пока угасающий закат окончательно не растворился в наплывающих сумерках.

Чжаньлань обернулась к спутнику. Ветер неистово трепал его волосы и полы куртки. На некогда спокойном лице Шэнъаня теперь лежала мертвенная, серая тень отчаяния.

Она не могла отвести от него глаз. Его губы дрогнули, лицо исказилось от невыносимой душевной муки. По щекам покатались крупные, тяжёлые слёзы. Шэнъань больше не мог сдерживаться — силы оставили его. Он резко вырвал свою ладонь из её руки, упал на колени прямо на сырую землю и, обхватив голову руками, безудержно, навзрыд разрыдался.

— Шэнъань! Шэнъань, господи, что с тобой?! Не пугай меня так! — испуганно вскрикнула Чжаньлань.

Она опустилась рядом с ним на колени, крепко обняла его за дрожащие плечи и сама заплакала от жалости и страха. Видеть его в таком состоянии было невыносимо — сердце её

словно полоснули острым ножом.

— Юньи... Юньи... — сквозь глухие рыдания вырвалось из его груди. Он словно не замечал объятий и не слышал её голоса.

"Юньи? — подумала Чжаньлань, затаив дыхание. — Снова она. Та самая девушка, за которую он меня принял при первой встрече. Что же это была за женщина, если даже спустя годы её имя заставляет этого нестигаемого человека так страдать? Он действительно любил её... Любил всем сердцем"

— Юньи, за что ты так со мной?! — Шэнъань резко вскочил, сбросив руки Чжаньлань, и в ярости закричал в темнеющую бездну бушующего моря. — Я ведь спас тебя здесь! Именно здесь мы обрели друг друга, были так безумно, невероятно счастливы! Зачем же ты бросила меня? Зачем прыгнула отсюда вниз?! Ты хоть понимаешь, насколько это было жестоко?! Какая же ты жестокая! Не оставила мне даже светлой памяти... Ты растоптала нашу любовь самым безжалостным образом! Почему?! Два года... долгих два года я обходил это проклятое место стороной! Смертельно боялся сюда возвращаться! То, что должно было остаться самым дорогим воспоминанием, превратилось в ржавый гвоздь в моей груди! Этот гвоздь ворочается, и рана никак не заживает, понимаешь ты?! Моё сердце исходит кровью! Что я сделал не так? Скажи мне, ответь! Я бы всё исправил, изменился бы, только не разочаровывал тебя! Умоляю, вернись... Вернись ко мне!

Он снова рухнул на колени, содрогаясь в рыданиях, и принялся в яростном бессилии колотить кулаками по каменистой земле. Спустя мгновение его пальцы покрылись ссадинами, и на серые камни брызнула тёмная кровь.

— Шэнъань! Опомнись, умоляю, не надо! — Чжаньлань не думала о причинах и деталях этой трагедии. Ей было всё равно. Она лишь бросилась к нему, перехватила его окровавленные руки и прижала к своей груди. — Юньи больше нет, но у тебя есть я! Слышишь? Я никогда тебя не брошу! Мы всегда будем вместе! В этом мире есть те, кому ты дорог! Я люблю тебя... Люблю сильнее, чем она когда-либо любила! Прошу, не терзай себя, умоляю!..

Шэнъань медленно поднял голову. Измученный, опустошённый, он посмотрел на неё воспалёнными, покрасневшими от слёз глазами. В его взгляде металось отчаяние пополам со слабой, робкой надеждой.

Чжаньлань решительно смахнула слёзы с лица, уверенно кивнула ему и широко раскрыла объятия навстречу холодному ветру.

В то же мгновение Шэнъань рванулся к ней и крепко, до боли, сжал её в своих объятиях.